

≈ 12 мин

Мыслить? Абстрактно? — *Sauve qui peut!* — Спасайся кто может! — Я уже заранее слышу подобный вопль подкупленного врагом доносчика, который непременно раскричится на эту статью за то, что в ней речь идёт-де о «метафизике». Ведь «метафизика» (как и «абстрактно» и даже чуть ли не «мыслить») — это пугающее слово, от которого каждый так или иначе бежит прочь, как от чумы.

Это сказано, однако, вовсе не с тем злым умыслом, который имелся бы в виду, если бы здесь и впрямь намеревались объяснить, что значит «мыслить» и что такое «абстрактно». Для света нет ничего более невыносимого, нежели объяснения. Мне и самому делается страшно, едва кто-нибудь начинает объяснять, — ведь если потребуется, я и сам уж как-нибудь сумею понять. Но пугаться не стоит, — здесь, наоборот, доказывается, что какие бы то ни было объяснения на этот счёт совершенно излишни: именно потому, что свет прекрасно знает, что такое «абстрактное», он его и избегает. Ведь нельзя ни желать, ни ненавидеть то, о чём не имеешь ни малейшего представления. Кроме того, автор вовсе не намеревается примирить свет с мышлением или с «абстрактным» при помощи хитрости, состоящей в том, чтобы сначала тайком, под покрывалом светской беседы, протащить мышление и «абстрактное» в общество, не вызвав при этом отвращения, а потом, незаметно для общества оказавшись внутри него, открыть этого, некогда чуждого, гостя (а именно, «абстрактное») в том, кого общество уже давно принимает и признаёт под каким-то другим именем как хорошего знакомого.

Такая сцена узнавания, посредством которой общество против воли своей

должно было бы воспринять поучение, заключала бы в себе явный просчёт: она одновременно должна была бы и сконфузить присутствующих, и прославить её постановщика. Так что смущение одних и тщеславие другого скорее вызвали бы обратный эффект. Общество с негодованием оттолкнуло бы поучение, за которое приходится платить так дорого.

Но и без того выполнение этого замысла уже заранее испорчено. Ведь для того, чтобы провести его в жизнь, требуется сохранять в тайне решение загадки. А оно уже дано в заголовке статьи. Так не следовало поступать, если уж замышлял описанную выше хитрость, а нужно было поступить на манер того министра в комедии, который на протяжении всей пьесы разгуливает по сцене в сюртуке и лишь в самом конце расстёгивает его, обнаруживая на своей груди блистающую Звезду Мудрости. Кроме того, расстёгивание метафизического сюртука выглядело бы далеко не так привлекательно, как расстёгивание министерского. То, что в данном случае предстало бы перед глазами, было бы всего-навсего парой слов, а вся соль шутки свелась бы к простому указанию на тот факт, что само общество давным-давно обладает этой вещью. Этим не было бы добыто ничего, кроме названия, тогда как Звезда министра означает нечто весьма реальное — кошель с деньгами.

Итак, установлено, что в добропорядочном обществе каждый из присутствующих прекрасно знает, что значит «мыслить» и что такое «абстрактно», а именно в таком обществе мы и находимся. Вопрос, стало быть, заключается только в том, чтобы показать на того, кто мыслит абстрактно.

Мы уже говорили, что нам чуждо намерение примирять общество с этими

вещами; заставляя его возиться с чем-то тяжёлым и трудным и упрекать за легкомысленное пренебрежение тем, что приличествует рангу и положению существа, наделённого разумом. Намерение наше заключается скорее в том, чтобы примирить общество с самим собой, поскольку оно, с одной стороны, пренебрегает абстрактным мышлением, не испытывая каких-либо угрызений совести, а с другой стороны, всё же питает к нему, но крайней мере в душе, известное почтение как к чему-то возвышенному, поскольку оно избегает его не потому, что считает слишком ничтожным, а потому, что считает его чем-то чересчур высоким и значительным; поскольку оно избегает его не потому, что мнит чем-то слишком обыкновенным и пошлым, а потому, что почитает его за нечто чересчур аристократическое, или, наоборот, потому, что оно кажется ему чем-то экстравагантным, еспèсе, особенностью, которой не принято выделяться в обычном обществе, особенностью, которая не столько выделяет, подобно новому наряду, сколько ставит вне рядов общества или делает смешным, как лохмотья, или же богатое, но чрезмерно расфранченное и старомодное облачение.

**КТО МЫСЛИТ АБСТРАКТНО?
НЕОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК, А ВО ВСЕ НЕ
ОБРАЗОВАННЫЙ. ПОРЯДОЧНОЕ ОБЩЕСТВО
НЕ МЫСЛИТ АБСТРАКТНО ПО ТОЙ ПРИЧИНЕ,
ЧТО ЭТО СЛИШКОМ ЛЕГКО, ПО ТОЙ
ПРИЧИНЕ, ЧТО ЭТО СЛИШКОМ
НЕБЛАГОРОДНО (НЕБЛАГОРОДНО НЕ В**

СМЫСЛЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ИЗВЕСТНЫМ СОСЛОВИЯМ), И НЕ ИЗ НАДМЕННОГО ВАЖНИЧАНИЯ ПЕРЕД ТЕМ, ЧЕГО ОНО САМО НЕ В СИЛАХ ДЕЛАТЬ, А ПО ПРИЧИНЕ ВНУТРЕННЕГО НИЧТОЖЕСТВА И ПУСТОТЫ ЭТОГО ЗАНЯТИЯ.

Почтение к абстрактному мышлению и предубеждение против него столь глубоки, что тонкие носы наверняка начнут здесь морщиться в предвкушении юмора или сатиры. И поскольку обладатели этих носов читают утренние газеты и знают, что за сатиру установлена премия, они скажут, что я мог бы претендовать на эту премию гораздо успешнее, чем я это делаю, когда излагаю свою затею сразу и без хитростей.

Я приведу лишь примеры, подтверждающие моё утверждение, из которых каждый сможет убедиться в его справедливости.

Ведут на казнь убийцу. Для обычной публики он убийца, и только. Дамы, присутствующие при этом, может статься, отметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Публика найдёт это замечание предосудительным: «Как? убийца красив? как можно думать столь дурно, как можно называть убийцу красивым? сами, должно быть, не намного лучше!» «Это — проявление нравственной испорченности, царящей в высшем свете», — прибавит, может быть, священник, привыкший заглядывать в глубину вещей и сердец.

По-иному поступит знаток людей. Он рассмотрит ход событий, сформировавший этого преступника, откроет в истории его жизни, в его воспитании влияния дурных отношений между отцом и матерью, обнаружит, что некогда этот человек за лёгкую провинность был наказан с чрезмерной суровостью, которая ожесточила его против гражданского порядка, вызвала с его стороны противодействие, поставившее его вне общества и в конце концов сделавшее путь преступления единственно возможным для него способом самосохранения.

Упомянутая публика, случись ей это услышать, непременно скажет: «Он хочет оправдать убийцу!»

Однако мне вспоминается, как в дни моей молодости некий бургомистр жаловался на сочинителей, которые дошли-де до того, что пытаются потрясать основы христианства и правопорядка. Один из них даже защищает самоубийство! Подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера».

Это и называется мыслить абстрактно — не видеть в убийце ничего сверх того абстрактного, что он убийца, устраняя в нём посредством этого простого качества все прочие качества человеческого существа.

Совсем иное — сентиментальное, изысканное светское общество Лейпцига. Оно осыпало цветами и увивало венками колесо и привязанного к нему преступника. Это опять-таки абстракция, хотя и прямо противоположная. Христиане любят выкладывать крест розами, или, скорее, розы крестом, сочетать розы и крест. Крест есть очень давно превращённая в святыню виселица, колесо. Он утратил своё одностороннее значение орудия бесчестящей казни и совмещает,

напротив, в одном образе высшее страдание и глубочайшее унижение с радостнейшим блаженством, с божественной честью. Крест же лейпцигцев, увитый фиалками и чайными розами, есть примирение в стиле Коцебу, способ неопрятного лобызания сентиментальности с дрянью.

Ещё по-иному, как мне довелось слышать, устранила абстракцию «убийцы» и воскресила его честь некая старушка из богадельни. Отрубленная голова лежала на эшафоте, и светило солнце. «Ведь это так прекрасно, — воскликнула она, — милосердное солнце господнее освещает голову Биндера!». «Ты не стоишь того, чтобы тебя солнце озаряло», — говорят озорнику, на которого сердятся. Старушка же увидела, что голова убийцы освещается солнцем, а стало быть, достойна того. Она вознесла его с плахи эшафота в лоно солнечного милосердия бога и осуществила примирение не с помощью фиалок и своего сентиментального тщеславия, а тем, что в величественном сиянии солнца увидела его приобщённым к благодати.

«Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами», — сказала покупательница торговке. «Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? У которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами? Ты, у которой бабка померла в богадельне? Ишь, целую простыню на свой платок извела! Известно, небось, откуда у тебя все эти шляпки да тряпки! Если бы не офицеры, такие, как ты, не щеголяли бы в нарядах! Порядочные-то женщины больше за домом смотрят, а таким, как ты, самое место в каталажке! Заштопай лучше дырки-то на чулках!» Короче, она не может допустить в покупательнице ни зёрнышка хорошего.

Она и мыслит абстрактно — подытоживает в покупательнице всё, начиная со шляпок, кончая простынями, с головы до пят, вкуче с папашей и всей остальной роднёй, — исключительно в свете того преступления, что та нашла ее яйца тухлыми. Всё оказывается окрашенным в цвет этих тухлых яиц, тогда как те офицеры, о которых говорит торговка (если они вообще имеют сюда какое-либо отношение, что весьма сомнительно), предпочли бы заметить совсем иные вещи...

Если взять теперь слугу, так нигде слуге не живётся хуже, чем у человека низкого звания, с малым достатком. И наоборот, тем лучше, чем благороднее его господин. Обыкновенный человек и тут мыслит абстрактнее, он важничает перед слугой и относится к нему только как к слуге; он крепко держится за этот единственный предикат. Лучше всего живётся слуге у француза. Аристократ фамильярен со слугой, а француз ему даже добрый приятель. Слуга, когда они находятся вдвоём с хозяином, вовсю разглагольствует, как это явствует из «Жак и его хозяин» Дидро, а хозяин при этом лишь нюхает табак да поглядывает на часы, ни в чем его не стесняя. Аристократ знает, что слуга не только «слуга», что ему, кроме всего прочего, известны все городские новости, знакомы девушки, да и затей его голову посещают частенько совсем неплохие. Обо всём этом он слугу расспрашивает, и тот должен отвечать на всё, что интересуется его господина. У хозяина-француза слуга смеет даже рассуждать, смеет иметь и отстаивать собственные мнения, и, когда хозяину что-нибудь от него нужно, он не станет просто приказывать, а постарается сначала втолковать своё мнение, да ещё и ласково заверит, что лучше этого мнения и быть не может.

То же самое различие и среди военных. У австрийцев положено бить солдата, и солдат поэтому — каналья. Ибо тот, кто обладает лишь пассивным правом быть битым, и есть каналья. Рядовой солдат и имеет в глазах офицера значение абстрактной отвлечённости некоторого долженствующего быть битым субъекта, с которым господин в мундире и с темляком вынужден возиться, хотя это занятие хуже горькой редьки.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.